Мои первые книжки

Г.-Х. АНДЕРСЕН

Принцесса на горошине

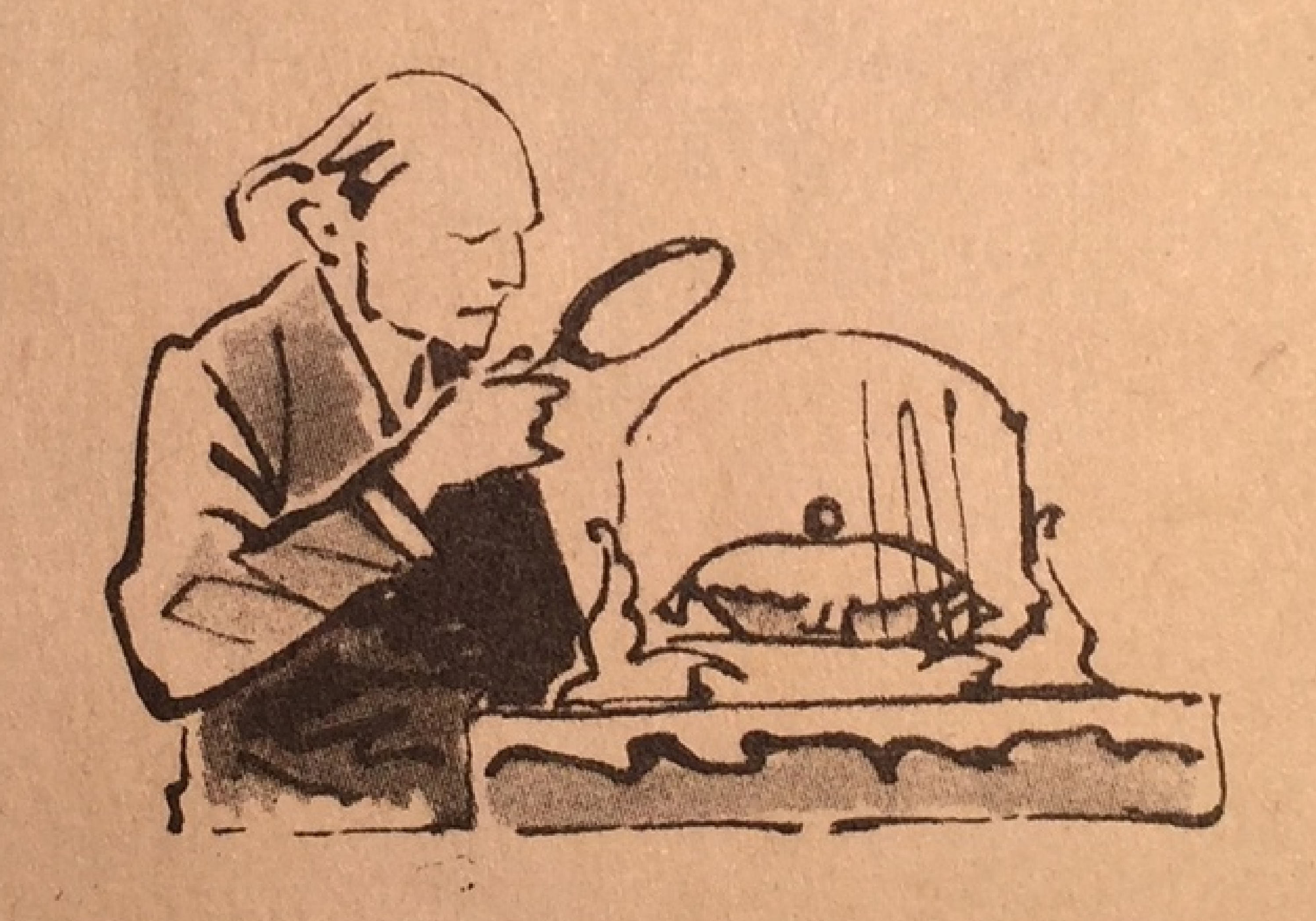
ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

6

Мои первые книжки

Г.-Х. Андерсен

Принцесса на горошине

Рисунки В. Алфеевского

Издательство «Детская литература»
Москва 1966

Перевод с датского А. Ганзен

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Жил-был принц. И пришло ему время жениться. Он хотел взять себе в жёны непременно принцессу, да не какую-нибудь, а самую настоящую.

Он объехал весь свет, но так и не нашёл себе невесты. Принцесс-то было много, да как узнать, настоящие они или нет?

Так и вернулся наш принц домой ни с чем и загоревал: уж очень ему хотелось жениться на настоящей принцессе.

Однажды вечером поднялась сильная буря. Засверкала молния, загремел гром, а дождь полил как из ведра.

Вдруг кто-то постучал в ворота дворца, и старый король пошёл открывать.

У ворот стояла принцесса. Боже мой, на кого она была похожа! Вода ручьями стекала с её волос и с платья прямо на туфельки. Бедняжка была такая мокрая, как будто её только что вытащили из реки.

И всё-таки она уверяла, что она-то и есть самая настоящая принцесса.

„Ну, это мы сейчас увидим", — подумала старая королева, но не сказала никому ни слова. Она пошла в спальню, сбросила с кровати все тюфяки и подушки и положила на голые доски горошину. А потом накрыла горошину двадцатью тюфяками да ещё двадцатью перинами из гагачьего пуха.

На эту постель и уложили принцессу спать.

Утром её спросили, хорошо ли она спала.

— Ах, очень плохо! — сказала принцесса. — Я всю ночь не могла сомкнуть глаз. Бог знает, что за постель у меня была! Мне казалось, что я лежу на булыжниках, и теперь всё тело

Утром принцессу спросили, хорошо ли она спала.

у меня в синяках. Ах, я спала очень, очень плохо!

Тут все поверили, что она и в самом деле настоящая принцесса.

Ведь она почувствовала маленькую горошину сквозь двадцать тюфяков и двадцать перин! Только настоящая принцесса могла быть такой неженкой.

И принц женился на ней.

А горошину отправили в кунсткамеру. Там она и до сих пор лежит, если только кто-нибудь не взял её.

Да, вот какие дела бывают на свете!

ШТОПАЛЬНАЯ ИГЛА

Жила-была штопальная игла. Она так высоко задирала свой острый носик, словно была по крайней мере тонкой швейной иголкой.

— Осторожнее! — сказала она пальцам, которые вынимали её из коробки. — Не уроните меня! Если я упаду, то, конечно, потеряюсь. Я слишком тонка.

— Будто уж! — ответили пальцы и крепко обхватили штопальную иглу.

— Вот видите, — сказала штопальная игла, — я хожу не одна. За мной тянется целая свита! — И она потянула за собой длинную нитку, но только без узелка.

Пальцы ткнули иглу в старый кухаркин башмак. На нём только что лопнула кожа, и надо было зашить дыру.

— Фу, какая чёрная работа! — сказала штопальная игла. — Я не выдержу. Я сломаюсь!

И сломалась.

— Ну вот! — пискнула игла. — Я же говорила, что я слишком тонка.

„Теперь она никуда не годится", — подумали пальцы и уж хотели было выбросить иглу. Но кухарка приделала к сломанному концу иглы сургучную головку и заколола иглой свой шейный платок.

— Вот теперь я брошка! — сказала штопальная игла. — Я всегда знала, что займу высокое положение: в ком есть толк, тот не пропадёт.

И она усмехнулась про себя — никто ведь не слыхал, чтобы штопальные иглы смеялись громко. Сидя в платке, она самодовольно поглядывала по сторонам, словно ехала в карете.

— Позвольте спросить, вы из золота? — обратилась игла к своей соседке — булавке. — Вы очень милы, и у вас своя собственная головка. Жаль только, что она слишком мала. Придётся, моя милая, вам отрастить её —

Штопальная игла так гордо выпрямилась, что вылетела из платка...

не всякому ведь достаётся головка из настоящего сургуча.

При этом штопальная игла так гордо выпрямилась, что вылетела из платка и упала прямо в канаву, в которую кухарка в это время выливала помои.

— Ну что ж, я не прочь отправиться в плаванье! — заявила штопальная игла. — Только бы мне не утонуть.

И она пошла прямо ко дну.

— Ах, я слишком тонка, я не создана для этого мира! — вздохнула она, лёжа в уличной канавке. — Но не надо падать духом — я ведь знаю себе цену.

И она выпрямилась, как могла. Ей всё было нипочём. Над ней проплывала всякая всячина — щепки, соломинки, клочки старых газет...

— Сколько их тут! — говорила штопальная игла. — И хоть бы один из них догадался, кто лежит здесь, под водой. А ведь лежу здесь я, настоящая брошка... Вот плывёт щепка. Ну что же, плыви, плыви!.. Щепкой ты была, щепкой и останешься. А вон соломинка несётся... Ишь как вертится! Не задирай носа, голубушка! Смотри, наткнёшься на камень. А вот обрывок газеты. И разобрать уж нельзя, что на нём напечатано, а он гляди как важничает... Одна я лежу тихо, смирно. Я знаю себе цену, и этого у меня никто не отнимет.

Вдруг возле неё что-то блеснуло. „Брильянт!“ — подумала штопальная игла. А это был просто бутылочный осколок, но он ярко блестел на солнце. И штопальная игла с ним заговорила.

— Я брошка, — сказала она. — А вы, должно быть, брильянт?

— Да, что-то в этом роде, — ответил бутылочный осколок.

И они разговорились. Каждый из них считал себя драгоценностью и радовался, что нашёл достойного собеседника.

Штопальная игла сказала:

— Я жила в коробке у одной девицы. Девица эта была кухаркой. У неё на каждой руке было по пяти пальцев, и вы не можете себе представить, до чего доходило их чванство! А ведь всего только у них и дела было, что вынимать меня из коробки и класть обратно.

— Чем же эти пальцы гордились? Своим блеском? — сказал бутылочный осколок.

— Блеском? — переспросила игла. — Нет, никакого блеска в них не было, зато чванства хоть отбавляй. Их было пять родных братьев. Они были разного роста, но держались всегда вместе — шеренгой. Только крайний из них, по прозванию Толстяк, торчал в сторону. Кланяясь, он сгибался только пополам, а не в три

погибели, как остальные братья. Зато он хвастался тем, что если его отрубят, то и весь человек будет негоден для военной службы. Второй палец звался Лакомкой. Куда только он не совал свой нос — и в сладкое и в кислое, и в небо и в землю! А когда кухарка писала, он нажимал перо. Третьего брата звали Долговязым. Он смотрел на всех свысока. Четвёртый, по прозванию Златоперст, носил вокруг пояса золотое кольцо. Ну, а самого маленького звали Петрушкой Бездельником. Он ровно ничего не делал и очень этим гордился. Вот чванились они, чванились, а ведь из-за них-то я и угодила в канаву.

— А зато теперь мы с вами лежим и блестим, — сказал бутылочный осколок.

Но в эту минуту кто-то вылил в канаву ведро воды. Вода хлынула через край и унесла с собой бутылочный осколок.

— Ах, он ушёл от меня! — вздохнула штопальная игла. — А я осталась одна. Видно, я слишком тонка, слишком остра. Но я горжусь этим, и это благородная гордость.

И она лежала на дне канавы, вытянувшись в струнку, и размышляла всё об одном и том же — о себе самой:

„Я, наверно, родилась от солнечного луча, так я тонка. Недаром мне кажется, что солнце ищет меня сейчас в этой мутной воде. Ах,

— Вот плывёт яичная скорлупа! — закричали мальчишки.

мой бедный отец никак не может меня найти! Зачем я сломалась? Если бы я не потеряла свой глазок, я заплакала бы сейчас, так мне себя жалко. Но нет, я бы этого не сделала. Это неприлично".

Однажды к водосточной канаве прибежали мальчишки и стали выуживать из грязи старые гвозди и медяшки. Скоро они перепачкались с головы до ног, но это-то им больше всего и нравилось.

— Ай! — вскрикнул вдруг один из мальчишек. Он укололся о штопальную иглу. — Гляди-ка, что за штука!

— Я не штука, а барышня! — заявила штопальная игла, но никто не расслышал её писка.

Старую штопальную иглу трудно было и узнать. Сургучная головка отвалилась, и вся игла почернела. А так как в чёрном платье все кажутся ещё тоньше и стройнее, то игла нравилась себе теперь ещё больше прежнего.

— Вон плывёт яичная скорлупа! — закричали мальчишки.

Они поймали скорлупу, воткнули в неё штопальную иглу и бросили в лужу.

„Белое идёт к чёрному, — подумала штопальная игла. — Теперь я стану заметнее, и все будут мной любоваться. Только бы мне не захворать морской болезнью. Я не перенесу её. Я ведь такая хрупкая..."

Но игла не захворала.

„Видно, морская болезнь меня не берёт,— подумала она.— Хорошо иметь стальной желудок и притом никогда не забывать, что ты выше простого смертного. Вот теперь я совсем пришла в себя. Хрупкие создания, оказывается, стойко переносят невзгоды“.

— Крак!—сказала яичная скорлупа. Её переехала ломовая телега.

— Ой, как тяжело!—завопила штопальная игла.—Теперь уж я непременно захвораю. Я не выдержу! Не выдержу!

Но она выдержала. Ломовая телега уже давно исчезла из виду, а штопальная игла осталась лежать как ни в чём не бывало на мостовой.

Ну и пусть себе лежит.

ДЛЯ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Г.-Х. Андерсен

ПРИНЦЕССА НА ГОРОШИНЕ

Ответственный редактор И. Ф. Скороходова. Художественный редактор Л. Д. Бирюков. Технический редактор В. К. Егорова. Корректор Э. Н. Сизова. Сдано в набор 10-XII 1965 г. Подписано к печати 16-III 1966 г. Формат $70 \times 92^{1}/_{16}$. 1 п. л. 1,17 усл. п. л. (0,62 уч.-изд. л.) Тираж 1 500 000 экз. ТП 1966 № 123. Цена 3 коп. на бум. № 2. Издательство „Детская литература". Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика „Детская книга" № 1 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Сущёвский вал, 49. Заказ № 3386

Цена 3 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

⊙ ⊙ ⊙

По серии «Мои первые книжки» для детей дошкольного возраста в 1966 году издаются:

Александрова З.— ГИБЕЛЬ ЧАПАЕВА

Житков Б.— КРУЖЕЧКА ПОД ЁЛОЧКОЙ

Маршак С.— КРУГЛЫЙ ГОД

Михалков С.— ПРО МИМОЗУ

Заходер Б.— КИТ И КОТ

Пинясов Я.— ОБЫКНОВЕННЫЕ ВАРЕЖКИ

Носов Н.— САША

Чуковский К.— ТЕЛЕФОН

⊙